

Древо знания и древо жизни *).

(Продолжение).

Теперь, когда мы составили себѣ понятіе о понятіи, о его обозначеніяхъ и о возможныхъ недоразумѣніяхъ въ дѣлѣ этихъ обозначеній, должно обратиться къ разсмотрѣнію соотношенія понятій. Большая часть понятій суть общія. Замѣна индивидуальнаго понятія общимъ имѣетъ и экономическое и гносеологическое значеніе. Въмѣсто того, чтобы мыслить индивидуальный предметъ со всѣми его признаками, я мыслю то общее понятіе, подъ которое онъ подходитъ, и въ этомъ понятіи мыслю лишь то, что мнѣ нужно. Н врачъ окулистъ. У меня болятъ глаза. Мнѣ нужно только свойство Н, какъ глазнаго врача. Правда въ этихъ свойствахъ могутъ быть индивидуальныя черты, которыя приходится имѣть въ виду и съ которыми нужно считаться. Но мнѣ нужно въ Н лишь то, чтобы онъ подходилъ подъ понятіе хорошаго и добросовѣстнаго окулиста. Такъ и постоянно въ жизни бываетъ нужно отъ людей и предметовъ лишь то, чтобы они подходили подъ тѣ или другія общія понятія. Оказывается ненужнымъ въ массѣ случаевъ изучать и запоминать индивидуальныя подробности. Эта возможность и постоянный фактъ замѣны частнаго общимъ, понятно, представляетъ громадную экономію для мыслительныхъ силъ человѣка. Но кромѣ экономическаго подведеніе индивидуальныхъ понятій подъ общія имѣетъ громадное гносеологическое (познавательное) значеніе. Мы не двинулись бы ни на одинъ шагъ впередъ въ области познанія, еслибы не происходило постоянной замѣны единичнаго общимъ. Подводя

*) См. Бог. Вѣст. Февр. 1916 г.

единичное подъ общее мы, вѣдь, если съ одной стороны забываемъ о нѣкоторыхъ индивидуальныхъ подробностяхъ, то съ другой приписываемъ индивидууму и тѣ признаки, которые въ немъ не наблюдали, но которые существуютъ въ томъ видѣ, къ которому мы его отнесли. Мы увидали животное и говоримъ: это лисица, потому что нашли въ немъ рядъ признаковъ, принадлежащихъ лишь роду лисицъ. Но мы не наблюдали, чтобы эта лисица ловила зайцевъ или истребляла куръ и однако не сомнѣваемся, что она будетъ дѣлать то и другое. Подведеніе индивидуальнаго понятія подъ общее здѣсь является не только устраненіемъ и забвеніемъ индивидуальныхъ особенностей, но и привнесеніемъ въ данныя наблюденія того, что въ наблюденіи непосредственно не было дано. Было сдѣлано заключеніе отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Процессъ обобщенія является такимъ образомъ не сокращеніемъ только содержанія нашего познанія, но и процессомъ расширенія этого познанія. Процессъ обобщенія сводится къ тому, чтобы вычеркивать изъ нашего познанія невужное и привносить въ него то, что нужно.

Мы уже высказали, что не всякій процессъ обобщенія можетъ вести къ такой благотворной двойной цѣли. Нерѣдко обобщенія могутъ создавать двойной вредъ. Во 1) ими могутъ устраняться изъ признаковъ вещи характерные и во 2) при неправильномъ подведеніи индивидуальной вещи или существа подъ высшее понятіе мы надѣлимъ его такими признаками, которые ему не принадлежатъ. Т. е. такимъ образомъ вслѣдствіе процесса обобщенія мы теряемъ знаніе истинное и приобретаемъ знаніе ложное. Это очень легко можетъ случиться въ зоологіи, ботаникѣ, и это нерѣдко случалось въ прошедшемъ. Новые виды въ новыхъ мѣстностяхъ отождествлялись со старыми видами въ мѣстностяхъ извѣстныхъ. Такимъ образомъ упускалось познаніе новыхъ видовъ и для мѣста жительства старыхъ указывались такія, гдѣ они на самомъ дѣлѣ не жили. Это результатъ прямыхъ ошибокъ въ дѣлѣ обобщенія, но и правильное обобщеніе, какъ мы уже говорили, не всегда можетъ быть плодотворнымъ.

Искусство обобщенія есть дѣло специальныхъ знаній и дѣло таланта. Для того, чтобы построить систему, которая обнимала бы весь растительный міръ и на вершинѣ котора-

го стояло бы растение, а внизу определенная яблоня или одуванчикъ; нужно знать растительный миръ и понимать взаимоотношеніе растений. Изученіе логики не дастъ ключа при классификаціи моллюсковъ или папоротниковъ, но изученіе существующихъ классификацій даетъ матеріалъ логикѣ при определеніи принциповъ, которыми руководятся въ дѣлѣ классификацій и для оцѣнки этихъ принциповъ. Принципы для классификаціи и определеній можно видѣть выраженными въ *praedicabilia*—пяти знаменитыхъ сказуемыхъ въ средневѣковой логикѣ. Ученіе впервые изложеннымъ находится у Порфирія (233—304 г. по Р. X.) въ его „Введеніи въ категоріи Аристотеля“ (*Εἰσαγωγή εἰς τὰς Ἀριστοτέλους κατηγορίας*; иначе называемое *περὶ τῶν πέντε φωνῶν*—о пяти изреченіяхъ). Понятія индивидуальныя не могутъ служить сказуемыми. Александръ Македонскій не можетъ быть сказуемымъ. Сказуемыми могутъ служить лишь понятія общія *universalia*, имъ и усвоено имя *predicabilia* т. е. съ латинскаго сказуемыхъ. Въ понятіи различаются объемъ и содержаніе; съ точки зрѣнія объема понятія можно дѣлить на родовыя и видовыя. Съ точки зрѣнія содержанія въ понятіи можно различать признаки отличительные, существенныя, случайныя. Вотъ эти пять понятій: родъ (*genus, γένος*), видъ (*species, εἶδος*), отличіе (*differentia, διαφορα*), особенное характерное свойство (*proprium, ἰδιον*), случайное (*accidens, συμβεβηχός*). Всякое сказуемое опредѣляетъ или родъ или видъ, или отличительный или существенный или случайный признакъ подлежащаго. Терминъ родъ и видъ въ логической классификаціи условны, и въ этомъ отношеніи логическая классификація должна быть отличаема отъ естественно научной. Съ точки зрѣнія современнаго естествознанія *видъ* есть совокупность организмовъ настолько сходныхъ между собою, что ихъ можно разсматривать, какъ имѣющихъ однихъ и тѣхъ же предковъ. Но родъ—совокупность видовъ нельзя разсматривать такимъ образомъ. Хотя съ точки зрѣнія дарвинизма и различные виды произошли отъ общихъ родоначальниковъ, но такое происхожденіе есть дѣло медленнаго процесса, ускользающаго отъ индивидуальнаго наблюденія и не доступнаго опыту. Такимъ образомъ видъ въ естественно научныхъ классификаціяхъ есть строго определенное понятіе, о которомъ могутъ быть споры, но которое нельзя произ-

волью прилагать то къ большей, то къ меньшей по объему группѣ организмовъ. Въ логикѣ понятія *родъ* и *видъ* условны. Человѣкъ родовое понятіе по отношенію къ негру и видовое по отношенію къ животному. Установивъ понятія *рода*, и *вида*, древніе логики указали только общій путь обобщенія или разложенія понятій, а указавъ какіе признаки нужно искать въ предметѣ, они схематически опредѣлили и методъ классификаціи. Предметъ или группа предметовъ обособляются нами на основаніи какого либо признака, упорно присутствующаго въ нихъ и совсѣмъ не оказывающагося въ другихъ особяхъ или предметахъ. Но этотъ признакъ можетъ быть вовсе не существеннымъ. Первое, что представляется отличающимъ зебру или квагу отъ лошади, это своеобразная окраска шерсти: поперечно темныя полосы на свѣтломъ фонѣ. Но конечно вовсе не окраскою обуславливаются всѣ особенности зебръ. *Differentia* даетъ только во многихъ случаяхъ легкій способъ обособить объектъ изученія, но дѣло изученія еще оказывается впереди. Въ изолированной группѣ особей или предметовъ ищутъ характерныхъ признаковъ—въ приведенномъ примѣрѣ зебры изучаютъ анатомическіе и морфологическіе признаки, затѣмъ отыскиваютъ и отмѣчаютъ признаки, у однихъ не встрѣчающіеся, а у другихъ встрѣчающіеся. Причемъ понятія признака постояннаго и признака случайнаго могутъ оказаться столь же условными, какъ понятія въ логикѣ рода и вида. Можетъ оказаться, что признакъ, названный случайнымъ, постояненъ въ известной группѣ особей, и эта группа можетъ быть выдѣлена въ особый видъ.

Каждая наука вѣдаетъ свою группу понятій и расположеніе этихъ понятій въ систему, въ порядокъ по степени ихъ общности для каждой науки есть дѣло лицъ, спеціально ею занимающихся. И одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть объектомъ изслѣдованія съ различныхъ точекъ зрѣнія и входить различнымъ образомъ въ различныя классификаціи. Ботаникъ классифицируетъ растенія известнымъ образомъ. Фармакогнозія наука о внѣшнихъ признакахъ и химическомъ составѣ необработанныхъ лекарственныхъ средствъ животнаго и растительнаго происхожденія — тоже вѣдаетъ растенія, но она классифицируетъ ихъ уже не самихъ по себѣ, а съ точки зрѣнія вырабатываемыхъ ими продуктовъ.

имѣющихъ лекарственное значеніе. Фармакогнозіи приходится вѣдать яды, вырабатываемые растеніями. Технологія волокнистыхъ веществъ тоже вѣдаетъ растенія въ цѣляхъ выработки изъ нихъ тканей, для нея не имѣютъ значенія плоды, продукты, выдѣляемые растеніемъ, а прежде всего ей важно строеніе у растенія волоконъ. Она выдвигаетъ новый принципъ изслѣдованія и классификаціи. Предоставимъ каждой наукѣ классифицировать то, что она изучаетъ, но что тогда останется классифицировать на долю логики?

Она должна классифицировать науки, классифицирующія—каждая—свои объекты изслѣдованія. Но классификація наукъ не можетъ быть предметомъ обсужденія въ отдѣлѣ о понятіяхъ. Она возможна лишь послѣ изслѣдованія методовъ познанія. Отдѣлъ о понятіяхъ долженъ предшествовать такому изслѣдованію. Не имѣя дѣла съ науками, этотъ отдѣлъ имѣетъ дѣло съ понятіями, которыми занимаются науки. Здѣсь не классифицируется ботаника, зоологія, психологія, соціологія, но здѣсь берутся высшія понятія этихъ наукъ—растеніе, животное, душа, общество, и ставится вопросъ: на чемъ долженъ остановиться процессъ обобщенія понятій, дальше какихъ понятій дѣло обобщенія не можетъ вестись? На эти вопросы логика издавна пыталась отвѣчать разсужденіемъ о *категоріяхъ*.

Греческое слово *категорія* (*κατηγορία*) значитъ собственно обвиненіе. Обвинять значитъ приписывать что либо предмету или лицу, сказывать что либо о предметѣ или лицѣ. Отсюда—категорія получила значеніе сказуемаго. Но не всякому сказуемому логика усваиваетъ имя категорій. Обычное словоупотребленіе сблизило понятіе категоріи съ понятіемъ класса. Раздѣлить что либо по категоріямъ—это значитъ расклассифицировать что нибудь. Но классификація есть подведеніе низшихъ понятій подъ высшія. Такимъ образомъ, уже въ обычномъ словоупотребленіи значитъ, что категоріи суть высшія понятія. Въ различныхъ философскихъ направленіяхъ терминъ категорія употребляется не въ одномъ смыслѣ. Вообще однако можно сказать, что въ философін подъ категоріями обычно понимаются такіе высшіе классы или такія высшія понятія—дальше которыхъ идти уже некуда и на которыя можно раздѣлить или подъ которыя можно подвести все и мыслимое и дѣйствительно сущее.

Теорія категорій развивалась уже въ логикѣ индусовъ. Они называли здѣсь *падарта* (значить: смыслъ, значеніе словъ, *artha*—смыслъ, *пада*—слово). Въ системѣ Вайсешика, основанной Канадой насчитывалось 6 падарта: субстанція, качество, дѣйствіе, общность, особенность, отношеніе. Комментаторами еще прибавлялась 7-ая категорія, представляющая собою отсутствіе или отрицаніе 6-ти первыхъ. Подъ категорію субстанции Канада поставляетъ тѣла или естественные дѣятели въ слѣдующемъ порядкѣ: земля, вода, свѣтъ, воздухъ, эфиръ, время, пространство, душа, духъ (о категоріяхъ въ индійской логикѣ см. Frank'a—Dictionnaire des sciences philosophiques. Catégorie. Авторъ статьи подчеркиваетъ сходство индійскихъ категорій съ греческими—Аристотелевскими, но не нужно изъ этого сходства дѣлать вывода о связи ихъ по происхожденію: самое вѣроятное, что они выработались независимо одни отъ другихъ, по крайней мѣрѣ трудно допустить между ними зависимость въ смыслѣ исторической преемственности. Съ одной стороны въ индійской логикѣ есть примитивная необработанность—въ ученіи о силлогизмѣ, съ другой—упрощенность и развитіе сравнительно съ аристотелевской логикой, хотя бы въ вопросѣ о категоріяхъ. Не было бы перваго, еслибы индійская логика вышла изъ греческой, и не было бы втораго, еслибы греческая логика вышла изъ индійской).

Творцомъ ученія о категоріяхъ считается Аристотель. Онъ призналъ 10 категорій.

1. <i>Ὀβεία</i>	Substantia	Субстанція.
2. <i>Ποσόν</i>	Quantitas	Количество.
3. <i>Ποιόν</i>	Qualitas	Качество.
4. <i>Πρός τι</i>	Relatio	Отношеніе.
5. <i>Ποιείν</i>	Actio	Дѣйствіе.
6. <i>Πάσχειν</i>	Passio	Страданіе.
7. <i>Ποῦ</i>	Cubi	Мѣсто (пространство).
9. <i>Κεῖσθαι</i>	Positio	Положеніе.
8. <i>Πότε</i>	Quando	Время.
10. <i>Ἐχειν</i>	Habitus	Состояніе (чтоимѣеть).

Каждое изъ словъ по Аристотелю опредѣляетъ или субстанцію, или количество или качество и т. д. (*Περὶ κατηγοριῶν*. 11. 6). Категоріи Аристотеля можно сказать имѣютъ и этимоло-

гическое (онѣ: части рѣчи) и синтаксическое (онѣ: части предложенія) и логическое (онѣ: понятія) значеніе Категорій эти подвергались многократной и нерѣдко суровой критикѣ. Въ двухъ случаяхъ дѣйствительно критика была бы права въ своемъ осужденіи ихъ, 1) если бы оказались понятія, не подходящія ни подъ одну изъ этихъ категорій или 2) если бы оказалось, что объемы какихъ либо категорій совпадаютъ или пересѣкаются. Я приведу примѣръ, который можетъ быть, лучше поможетъ намъ разобраться въ этомъ вопросѣ. Примѣръ, этотъ, какъ легко можно видѣть, не аристотелевскій и категоріи въ немъ размѣщены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ приведены мною.

8. Въ VI-мъ столѣтіи до Р. Х.

7. Въ Индіи

1. Гаутама Сиддарта,

9. ставши Буддою (пробужденнымъ, озареннымъ),

10. обладая могучею нравственною силою,

2. рѣшительно

3. въ пессимистическомъ направленіи

5. преобразовалъ

4. религіозно-нравственныя воззрѣнія многихъ изъ своихъ современниковъ,

6. много претерпѣвъ въ борьбѣ съ браминами.

(цифры передъ выраженіями указываютъ, къ какимъ категоріямъ должны быть выраженія относимы). Повидимому даже въ дѣятельности Будды трудно найти что нибудь, чего бы не захватывали категоріи Аристотеля. Скорѣе представляется возможность спорить, что этихъ категорій оказывается много. Такъ въ понятіе состоянія, т. е. того, что человѣкъ имѣетъ, естественно, вѣдь можетъ входить и качество и количество того, чѣмъ онъ владѣетъ. Безъ опредѣленія качества и количества понятіе владѣнія будетъ безсодержательнымъ. Въ нашемъ примѣрѣ понятія качества и количества опредѣляютъ пятую категорію дѣйствія, но и дѣйствіе обыкновенно само въ себѣ заключаетъ мысль о его качествѣ, часто и количествѣ. Но если—съ одной стороны—въ категоріяхъ Аристотеля есть избытокъ, то съ другой стороны, оставляя въ сторонѣ приведенный нами примѣръ, въ нихъ указываютъ и недостатокъ. Такъ, говорятъ понятія надежды, отчаянія, куда должны быть отнесены въ категоріяхъ Ари-

стотеля? Точно также различныя теоріи, различныя ученія и мнѣнія? Нельзя сказать, чтобы въ сочиненіяхъ Аристотеля—а онъ къ вопросу о категоріяхъ обращался неоднократно—можно всегда найти ясный и точный отвѣтъ на недоумѣнія, которыя вызываетъ его теорія, но едва ли тоже можно оспаривать, что отвѣтъ, вообще говоря возможенъ. По опредѣленію Аристотеля субстанція есть конкретное понятіе—единичное или общее. Надежда или бѣлизна, понятно, не подходятъ въ такомъ случаѣ подъ категорію субстанціи. Но надежда или бѣлизна съ этой точки зрѣнія могутъ подойти подъ десятую категорію, отвѣчающую на вопросъ, что имѣетъ субстанція? Возможенъ другой взглядъ на категоріи Аристотеля—грамматическій. Категоріи—это различныя части предложенія. Съ этой точки зрѣнія субстанція есть просто подлежащее и, понятно, таковымъ можетъ быть и бѣлизна, и надежда, и ученіе Аристотеля.

Несмотря на то, что насъ отдѣляетъ отъ категорій Аристотеля болѣе двухъ тысячелѣтій, его категоріи не изучены и не проанализированы въ достаточной мѣрѣ и доселѣ. Но поучительно, что съ какой точки зрѣнія къ нимъ не подходитъ, въ нихъ открывается много замѣчательнаго. Если разсмотрѣть ихъ съ этимологической точки зрѣнія, они расчлѣняютъ слова на существительныя, прилагательныя, глаголы различныхъ типовъ и залоговъ, нарѣчія числительныя—я склоненъ даже сказать—союзы, потому что отношеніе при сравненіяхъ обыкновенно выражается союзомъ *чѣмъ* (больше, меньше чѣмъ). Если взглянуть на нихъ съ синтаксической точки зрѣнія, они заключаютъ въ себѣ подлежащее, опредѣленіе, дополненіе, сказуемое и обстоятельства различныхъ типовъ. Но слова суть знаки вещей, и относительно Аристотелевыхъ категорій ставили вопросъ: опредѣляютъ ли онѣ всѣ роды вещей, всѣ роды существующаго? На этотъ вопросъ можно отвѣчать и да и нѣтъ, смотря потому какой смыслъ мы будемъ придавать вопросу. Все существующее можно подвести подъ категоріи Аристотеля и съ этой точки зрѣнія можно на поставленный вопросъ дать положительный отвѣтъ. Но расклассифицировано ли это существующее въ категоріяхъ Аристотеля по родамъ? Несомнѣнно, нѣтъ. Съ одной стороны у него поставляется вещь, а съ другой состоянія и принадлежности вещи. Это все равно, какъ еслибы мы,

трактуя о растеніяхъ, съ одной стороны помѣстили деревья, травы, а съ другой—рядомъ съ ними—вѣтви, листья, плоды, корни. Категоріи Аристотеля съ логической точки зрѣнія удовлетворяютъ не этому, а иному требованію, именно—онѣ представляютъ собою схемы, заполненіе которыхъ даетъ полное опредѣленіе вещи. Посмотримъ на нихъ съ этой точки зрѣнія. Мы полагаемъ все существующимъ въ пространствѣ и времени, всему, что существуетъ мы приписываемъ активность и пассивность—способность дѣйствовать и свойство претерпѣвать воздѣйствіе отъ другихъ. Могутъ сказать, что не все существуетъ въ пространствѣ, напримѣръ, духъ, и что не все способно дѣйствовать, напримѣръ, матерія. Но во 1) еслибы даже оказалось, что не все подходитъ подъ всѣ схемы, то схемы, вѣдь, должны существовать для всего и поэтому разъ есть вещи, которыя ихъ требуютъ, онѣ должны быть. Во 2) въ опытѣ, которымъ мы располагаемъ, всѣ вещи на самомъ дѣлѣ подходятъ подъ указанныя схемы. Духъ, который мы знаемъ, т. е. людей и животныхъ всегда оказывается заключеннымъ въ очень опредѣленные геометрическіе размѣры тѣла и приуроченъ къ опредѣленному мѣсту. Затѣмъ матерія, которую мы знаемъ, обладаетъ активными силами—силою притяженія, упругостью, и еслибы она не имѣла этихъ активныхъ свойствъ, мы бы не узнали ея существованія, потому что подъ нашимъ воздѣйствіемъ она отступала бы, какъ пустота. Матерія сопротивляется нашему воздѣйствію. Говорятъ: это сопротивленіе пассивное. Но на самомъ дѣлѣ выраженіе пассивное сопротивленіе заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе: всякое сопротивленіе активно. (Простой—хотя и грубый примѣръ—можетъ разъяснить это. Человѣка насильно выводятъ изъ комнаты. Если онъ окажетъ малѣйшее сопротивленіе тому, чтобы его вывели, это будетъ сопротивленіе активное. А если онъ дозволитъ взять его, какъ угодно и понести, какъ трупъ, здѣсь не будетъ сопротивленія, какъ здѣсь не будетъ и содѣйствія тѣмъ, кто требовалъ его удаленія). Активность обусловливается атрибутами субстанціи, тѣмъ, что она имѣетъ, эти атрибуты характеризуются качествами и размѣрами. Субстанція черезъ свои атрибуты проявляетъ себя въ дѣйствіи на что-либо, но будучи связана съ другими субстанціями (ея пассивная сторона) она претерпѣваетъ нѣчто отъ другихъ суб-

станцій. Разсмотрѣнная подробно со всѣхъ этихъ сторонъ, субстанція и будетъ исчерпана, но эти стороны и суть 10 категорій Аристотеля:

8. Время.
 7. Пространство.
 1. Субстанція.
 10. Ея активная сторона (аттрибуты).
 9. Ея пассивная сторона (способность претерпѣвать воздѣйствія).
 2. Количество
 3. Качество
 5. Дѣйствіе
 4. Отношеніе
2. Количество	}	свойствъ, присущихъ субстанціи.
3. Качество		
5. Дѣйствіе	}	производимое субстанціею на другія субстанціи.
4. Отношеніе		

6. Воздѣйствіе (получаемое отвнѣ, отъ другихъ субстанцій).
 Могутъ сказать, что одни категоріи здѣсь разъясняютъ другія, что поэтому ихъ можно было бы представить, какъ дальнѣйшее раздѣленіе высшихъ категорій, на примѣръ, качество и количество по отношенію къ атрибутамъ, къ тому, что имѣетъ субстанція, но должно обратить вниманіе, что качествомъ и количествомъ можетъ быть измѣряемо и то, что претерпѣваетъ субстанція. Такимъ образомъ качество и количество нельзя разсматривать, какъ подчиненныя точки зрѣнія по отношенію къ тому, чѣмъ владѣетъ субстанція, они равноправно связываются и съ другими категоріями. Вообще о категоріяхъ Аристотеля должно сказать, что доселѣ было дѣломъ болѣе плодотворнымъ ихъ изученіе и изслѣдованіе, стремленіе ихъ понять, чѣмъ ихъ критика.

Изъ дальнѣйшихъ ученій о категоріяхъ полезно остановиться только на воззрѣніяхъ Канта. Для Канта категоріи не роды вещей, а апріорныя формы разсудка, въ которыхъ разсудокъ укладываетъ опытомъ познаваемый матеріалъ. Кантъ признавалъ существованіе апріорныхъ формъ чувственности—пространства и времени. Все то, что мы получаемъ въ ощущеніяхъ, мы представляемъ въ пространствѣ и времени. Пространство и время даютъ намъ геометрической и хронологической распорядокъ познаннаго матеріала. Познанный матеріалъ расчлененъ въ пространствѣ и времени (въ чувственности), его нужно объединить въ понятіяхъ (въ разсудкѣ). Разсудокъ долженъ обсудить матеріалъ

познанія. Результаты обсуждения выражаются въ сужденіяхъ. Существующіе типы сужденій опредѣляютъ и типы категорій. Кантъ, какъ извѣстно, призналъ 12 родовъ сужденій (4-хъ частное дѣленіе по три типа въ каждомъ—12): по количеству: общія, частныя и единичныя; по качеству: утвердительныя, отрицательныя и безконечныя; по отношенію: категорическія, гипотетическія и раздѣлительныя; по модальности: проблематическія, ассерторическія и аподиктическія. Сообразно съ этимъ Кантъ призналъ слѣдующія категоріи:

Первыя шесть—математическія.	1) по количеству: единичность
множественность
всеобщность
	2) по качеству: реальность
отрицаніе
ограниченіе.
Послѣднія 6—динамическія, потому что въ нихъ предполагается взаимодѣйствіе.	3) по отношенію: обладаніе и принадлежность (субстанція и акциденція).
Причинность и зависимость (причина и дѣйствіе).
Общность (взаимодѣйствіе между причиняющимъ дѣйствіемъ и его претерпѣвающимъ).
	4) по модальности:
возможность—невозможность.
Бытіе—небытіе.
Необходимость—случайность.

Такимъ образомъ основныхъ категорій Кантъ признаетъ 4: количества, качества, отношенія и модальности. Не трудно показать, что категоріи качества на самомъ дѣлѣ суть дифференціация одной изъ категорій модальности — именно бытія. *Realität* въ категоріяхъ качества соотвѣтствуетъ *Dasein*, *Negation* соотвѣтствуетъ *Nicht*, а ограниченіе (*Limitation*) есть, какъ всѣ 3-и категоріи въ каждомъ изъ дѣленій, категорія выводная изъ первыхъ двухъ. Такимъ образомъ у Канта остаются три категоріи количества, отношенія и модальности. Такъ какъ категорія модальности рѣшаетъ вопросъ о существованіи предмета, то она можетъ быть при-

знана категоріей субстанціи. Такъ какъ подъ отношеніемъ Кантъ разумѣетъ причинность, то это будетъ категоріей причины. Третьею будетъ категорія количества. Кантъ въ своемъ разъясненіи своихъ категорій говоритъ, что эта категорія опредѣляется числомъ. Мы представляется страннымъ, какъ Кантъ могъ допустить такое утверждение, когда уже Аристотель выяснилъ, что такъ утверждать нельзя. Въ своемъ анализѣ категорій количества Аристотель указалъ, что существуетъ два рода величинъ—прерывныя и непрерывныя. Примѣрами первыхъ являются числа, рѣчь, примѣромъ вторыхъ—линіи, поверхности, пространство, время. Дѣло въ томъ, что не всякая величина можетъ быть выражена числомъ, число предполагаетъ собой прерывистость, совокупность особей, единицъ. Но мы знаемъ очень много непрерывнаго въ мірѣ. Что величина непрерывная очень часто не можетъ быть выражена въ числахъ, это узнаетъ каждый школьникъ при первомъ знакомствѣ съ извлеченіемъ квадратныхъ корней. Если сторона квадрата равна 1, то діагональ его не можетъ быть выражена никакимъ числомъ, такъ какъ она равна $\sqrt{2}$. Я дѣлаю это замѣчаніе о пропускѣ у Канта не для того, чтобы унижить Канта. Его геній безспоренъ и великъ. Но я хотѣлъ бы этимъ указаніемъ сдѣлать ясныѣе геній Аристотеля.

Если мы къ тремъ категоріямъ, добытымъ нами у Канта, присоединимъ двѣ его апріорныя формы чувственности—пространство и время, то мы получимъ пять категорій: пространства, времени, субстанціи, причины и количества. Пространство и время мы разъяснять не будемъ. Подъ субстанціей мы разумѣемъ вещь съ ея свойствами и законами существованія, рассматриваемую въ статическомъ состояніи, т. е. внѣ дѣйствія. Категорія причинности принуждаетъ насъ рассматривать вещь во взаимодействіи съ другими вещами. Только при этомъ взаимодействіи возможно измѣреніе дѣйствія. Пустое пространство и пустое время измѣрять нельзя. Вещь, если ее взять независимо отъ другихъ вещей, также измѣрять нельзя, потому что измѣреніе есть сравненіе. Всякое измѣреніе предполагаетъ существованіе тождественнаго, различнаго и сходнаго. Согласно представленнымъ пяти категоріямъ мы при вопросѣ о какой-либо вещи должны опредѣлить мѣсто и время ея бытія, ея свойства или ея содер-

жаніе, ея отношеніе къ другимъ вещамъ и должны измѣрять и мѣсто и время ея существованія и ея свойства и ея дѣйствіе и воздѣйствіе на насъ другихъ вещей. Этотъ актъ измѣренія соединяется со всякою категоріей, потому что все нами познается черезъ сравненіе.

Всякая вещь и активна и пассивна, т. е. дѣйствуетъ на другія вещи и воспринимаетъ дѣйствіе отъ другихъ. Малѣйшая частица вещества притягиваетъ къ себѣ всю вселенную и сама притягивается всею вселенной. Но ясно, что и активность и пассивность у различныхъ вещей различны. Если мы станемъ пространство и время разсматривать, какъ вещи, то мы увидимъ, что они не имѣютъ никакой активности, ничему они не оказываютъ никакого сопротивленія. Намъ представляетъ трудъ переходить изъ одного мѣста въ другое, потому что нашему передвиженію препятствуютъ окружающія насъ вещи, а само по себѣ пространство нисколько бы не затруднило насъ. Въ геологій постоянно говорится о времени, какъ факторѣ, производящемъ перемѣны на земной поверхности. Но это невѣрное выраженіе для вѣрной идеи. Малыя измѣненія поверхности, совершаясь непрерывно, суммируются въ колоссальный результатъ, потому что совершались многократно, а не потому, что они совершались въ теченіе долгаго времени. Насъ старитъ не время, а перемѣны, которыя мы испытываемъ во времени. Въ матеріи признавая въ ней дѣйствіе различныхъ видовъ энергій мы должны признать активность и пассивность. Но очевидно въ ней еще преобладаетъ пассивность. Безъ внѣшнихъ воздѣйствій матерія не проявляетъ стремленія къ дѣйствію. Древніе даже совсѣмъ не предполагали въ ней активности, и, такъ какъ бытіе мыслится, какъ дѣятельность, они въ ней матерію, какъ недѣятельную называли *μη ὄν*—не сущее. Активность значительнѣе выступаетъ въ растеніяхъ, еще болѣе въ животныхъ, наиболѣе—въ человѣкѣ. Было бы весьма поучительно расклассифицировать всѣ вещи съ точки зрѣнія силъ и свойствъ, которыми они обладаютъ. Но здѣсь для логики представляются большія затрудненія. Мы не знаемъ всѣхъ вещей и силъ дѣйствующихъ въ мірѣ и различно истолковываемъ и то, что знаемъ. Если пространство и время абсолютно пассивны, если далѣе мы видимъ скалу существъ, въ которыхъ постепенно начинаетъ ослабѣвать пассивность

и возрастать активность, то, говорятъ, на полюсѣ, противоположномъ абсолютной пассивности, должна быть мыслима абсолютная активность — сила, которая все производитъ и измѣнить которую и воздѣйствовать на которую никто не можетъ, т. е. должна быть абсолютная субстанція—Божество. Но не всѣ признаютъ бытіе Божіе. Нѣкоторые склонны называть Бога великимъ нулемъ. Значить намъ и нельзя построить такой классификаціи видовъ бытія, которую бы всѣ приняли. Положимъ это не снимаетъ съ насъ обязанности строить ее для себя, но мы должны помнить, что ее примутъ не всѣ. Далѣе на духъ и матерію существуютъ различныя воззрѣнія. Рѣзко расходятся въ опредѣленіи ихъ взаимоотношенія. О силахъ духа и даже силахъ физическихъ существуютъ самыя разнорѣчивыя ученія. Самыя общія понятія въ концѣ концовъ оказываются и самыми трудными и самыми спорными.

Трудность категорій и притомъ не только категорій вышнихъ, но и категорій третьяго, четвертаго порядка, т. е. по просту всякой классификаціи, объясняется еще слѣдующимъ. Задача категорій—раздѣлить вещи или обособить свойства вещей; но это раздѣленіе по существу противно самой природѣ вещей. Міръ есть космосъ, т. е. нѣчто въ чемъ все находится въ связи, гдѣ нѣтъ ничего изолированнаго. Ни одна вещь не существуетъ и не можетъ существовать внѣ и независимо отъ другихъ вещей. Попытайтесь представить себѣ существованіе какого-нибудь стола независимо отъ остальнаго міра. Теперь онъ имѣетъ опредѣленный вѣсъ. Если мы его обособимъ отъ міра, то этотъ вѣсъ исчезнетъ, такъ какъ онъ обуславливается притяженіемъ земли. Онъ имѣетъ цвѣтъ—но цвѣтъ обуславливается присутствіемъ внѣшняго свѣта. Удалите этотъ свѣтъ и цвѣтъ исчезнетъ. Какъ можемъ мы мыслить въ немъ какую либо температуру, когда внѣ его нѣтъ никакой температуры. Если бы нашъ столъ оказался единственнымъ предметомъ нашей мысли, то онъ сталъ бы немислимымъ. Но если вещь нельзя вырывать изъ цѣпи бытія, то тѣмъ болѣе немислимо разлагать вещь на ея свойства. Понятно, что нельзя раздѣлить кристаллъ на его твердость, удѣльный вѣсъ, лучепреломляемость, электропроводность, геометрическую форму и размѣры. Наши категоріи и классификаціи обуславливаются не природою вещей, а огра-

ниченностью нашего мышления. Бытие непрерывно, но мы не можем схватить непрерывной бесконечности, мы изучаемъ лишь прерывную конечность. Нераздѣлимый въ дѣйствительности космосъ мы насильственно дробимъ въ нашей мысли. Приемы нашего изученія міра по частямъ могутъ становиться все совершеннѣе и совершеннѣе, но дѣйствительность навсегда останется неизмѣющейся въ себѣ частей, классовъ, видовъ и поэтому наши категоріи и классификаціи никогда не дадутъ отраженія дѣйствительности.

Чтобы познать дѣйствительность, мышленіе принуждено извращать дѣйствительность.

1) Въ потокѣ мировыхъ явленій человѣкъ не видитъ ни начала, ни конца, въ группахъ предметовъ онъ не видитъ такой особи, которую можно было бы дѣйствительно выдѣлить изъ круга вещей и представить какъ нѣчто обособленное и законченное. Совершенно напрасно нѣкоторые утверждаютъ, что понятіе бесконечнаго образуется чрезъ отрицаніе конечности, что бесконечное есть понятіе отрицательное. Наоборотъ, понятіе конечнаго образуется чрезъ созданіе искусственной и неотвѣчающей дѣйствительности границы факта или явленія. Возьмемъ для примѣра яблоко. Повидимому это—отдѣльная особь, имѣющая опредѣленную геометрическую форму, вѣсъ, цвѣтъ, твердость. Но на самомъ дѣлѣ его вѣсъ есть его отношеніе къ земному притяженію, къ землѣ, которая связана съ солнцемъ, которое связано со всей вселенной. Вырвать яблоко изъ этой связи невозможно. Оно не есть самодовлѣющая единица, оно есть элементъ, часть бытія существующая неразрывно съ бытіемъ. Попытка нашего мышления представить его обособленно есть попытка представить объектъ въ противоестественныхъ, въ невозможныхъ условіяхъ. Наблюденію бытіе представляется, какъ единое, которое нельзя разлагать на ряды конечныхъ величинъ, потому что все существуетъ въ связи со всѣмъ остальнымъ и въ этой связи существовать не можетъ. Но мышленіе человѣческое не можетъ сразу мыслить все. Даже мысля объ одномъ солнечномъ лучѣ, оно не можетъ вмѣстѣ съ нимъ пройти бесконечное пространство, оно слѣдитъ лишь за частью его пути, представляя, что далѣе онъ является на столько слабымъ, что его можно не считать существующимъ. Мышленіе отрываетъ часть отъ цѣлаго и пытается разсматривать часть,

какъ цѣлое. Мышленіе обсуждаетъ вопросъ о цвѣтѣ яблока, забывая, что этого цвѣта не существуетъ безъ вѣшняго свѣта. Такъ мышленіе создало понятія конечности и обособленности, которымъ ничто не можетъ соответствовать въ дѣйствительности.

2) Противорѣчіе между мышленіемъ и дѣйствительностью рѣзко открывается въ томъ, что мышленіе всегда ищетъ общаго, дѣйствительность всегда представляетъ только частное. Это удобнѣе всего прослѣдить на дѣтскомъ мышленіи. Когда маленькому ребенку показываютъ какой-либо предметъ и называютъ его, названіе немедленно становится у него сказуемымъ для многихъ сходныхъ предметовъ. Назвали ему незнакомаго мужчину дядей, и всякій новый мужчина будетъ для него дядя. Если его знакомятъ съ собакой, назвавши ее Жучкой, то всякая новая собака, даже похожее на собаку животное, будетъ для него Жучка. Всякій признакъ, всякое свойство, наблюдаемые въ дѣйствительности, индивидуальны и не повторяемы. Для того, чтобы индивидуальное превратить въ общее, нужно исказить его, нужно не замѣтить или забыть нюансы. Плохое зрѣніе, слабые органы чувствъ, плохая память вмѣсто предмета оставляютъ въ головѣ человѣка схему предмета, схему такую общую, которая можетъ подходить къ тысячамъ предметовъ. Но такой схемы не существуетъ въ дѣйствительности. Сказуемое всегда приписываетъ подлежащему то, чего нѣтъ и не можетъ быть. Жидкость налитая въ этомъ стаканѣ есть вода. Вотъ сужденіе повидимому изъ типа самыхъ простыхъ и правдивыхъ. Но вникнемъ въ него. Химически чистая вода обозначается формулой H_2O , но химически чистая вода есть абстракція, не существующая въ дѣйствительности. Въ дѣйствительной водѣ всегда имѣются примѣси, пусть даже неуловимыя для анализа, но разъ въ водѣ что-либо растворено, хотя бы только воздухъ, это будетъ уже не вода, а специфическая жидкость. И въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы имѣемъ особую жидкость, которая по своему химическому и механическому составу въ сущности единственна и не имѣетъ себѣ тождественной жидкости. Не много нужно анализа, чтобы выяснить, что не повторяема температура, не повторяемъ вѣсъ. Каждое явленіе, каждый предметъ въ мірѣ единичны и подведеніе ихъ подъ общую схему есть насиліе надъ природою вещей.

3) Въ природѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, нѣтъ и не можетъ даже быть прямолинейнаго движенія, потому что каждая самонаимѣншая частица двигается подѣ воздействиемъ множества различныхъ и постоянно дѣйствующихъ силъ. Въ природѣ существуютъ только процессы, а не факты. Но мысль хочетъ знать только факты, а не процессы. Камень падаетъ на землю, сила тяжести дѣйствуетъ на него постоянно и его скорость измѣняется непрерывно, но мышленіе не овладѣваетъ этою непрерывностью, оно ищетъ элемента времени, для котораго скорость камня можно бы было считать постоянной. Оно беретъ среднюю скорость секунды, среднюю скорость другой секунды и оно строитъ возрастающую арифметическую прогрессію, согласно которой камень мѣняетъ скорость черезъ каждую секунду. Но на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Всѣ разсужденія о движеніи небесныхъ тѣлъ въ солнечной системѣ ведутся такъ, какъ будто эти тѣла чрезъ различные сроки возвращаются къ тѣмъ же исходнымъ пунктамъ. Но они не возвращаются къ нимъ никогда. Тѣхъ эллипсисовъ, по которымъ представляются двигающимися планеты, не существуетъ. Ни къ чему на самомъ дѣлѣ не могутъ быть примѣнены и законы Кеплера о сохраненіи площадей и объ отношеніи квадратовъ обращеній къ кубамъ среднихъ разстояній отъ солнца. Если мы возьмемъ какую-либо планету и попытаемся начертить дѣйствительно совершаемый ею путь, то пожалуй задача окажется невозможной. Три основныя движенія каждой планеты суть: 1) вокругъ оси, 2) вокругъ солнца и 3) вмѣстѣ съ солнцемъ. Но кромѣ этого на кривую пути вліяютъ планетныя притяженія и возможно вѣдь, что и солнце имѣетъ нѣсколько движеній, не говоря о его движеніи вокругъ оси. Наконецъ, при каждомъ перемѣщеніи планеты измѣняется ея отношеніе ко всему планетному и солнечному міру, измѣняется и кривая ея движенія. Такимъ образомъ постояннаго уравненія этой кривой составить нельзя. Такова дѣйствительность. Но мысль говоритъ: стой солнце и не движись луна. Дѣлая неподвижнымъ движущееся, мысль познаетъ это движущееся. Мысль знаетъ полнолуніе, но полнолунія, вѣдь, не существуетъ, полнолуніе не наполняетъ и не занимаетъ никакого времени, это—не имѣющая геометрическихъ

и хронологическихъ элементовъ граница, отдѣляющая периодъ возрастанія луны отъ ея ущерба.

4) Каждую вещь въ нашемъ мышленіи мы можемъ дробить до безконечности. Какой бы намъ ни былъ данъ объемъ, вѣсъ, какое бы ни было дано малое количество электрической, свѣтовой или тепловой энергіи, мы всегда представляемъ возможнымъ дѣленіе этого объема или энергіи. Представимъ себѣ, что во всей вселенной температуры оказались бы уравновѣшенными, но въ какомъ либо самонаименьшемъ атомѣ былъ-бы избытокъ теплоты на 1° , раздѣленный на билліонъ въ билліонной степени, тогда этотъ избытокъ долженъ бы былъ равномерно распространиться, т. е. раздѣлиться по матеріи всей вселенной. Этотъ выводъ подсказывается дѣйствительностью, теорія допускаетъ всевозможныя дѣленія, но мышленіе наше утомляется этимъ процессомъ дробленія и ищетъ остановиться на недѣлимыхъ элементахъ. Оно объявляетъ недѣлимымъ то, что подлежитъ дѣленію. Такъ явились понятія атома, индивидуума. Растеніе обычно трактуется какъ индивидуумъ, хотя его можно рѣзать на такія части, изъ которыхъ образуются цѣлыя растенія. Но если съ одной стороны мышленіе останавливаетъ процессъ дѣленія тамъ, гдѣ онъ имѣетъ мѣсто, то съ другой стороны мышленіе постоянно дѣлитъ то, что абсолютно недѣлимо. Мышленіе отдѣльно разсматриваетъ различныя свойства вещи, стоящія между собою въ функциональной зависимости и неразрывной связи. Минералогія отдѣльно разсматриваетъ кристаллографическую систему минерала, его физическія свойства и химическій составъ. Но развѣ геометрическая форма кристалла не есть функція его физическихъ свойствъ и развѣ физическія свойства и химическій составъ не представляютъ собою неразрывнаго единства. Любопытно, что мышленіе множества переходитъ въ единство. Совокупность единицъ оно разсматриваетъ какъ группу и подъ тремя, пятью мыслить какое-либо единство, 3 аршина оно превращаетъ въ сажень и 500 сажень въ версту. Но съ другой стороны единство мышленіемъ разрѣшается во множество и гексагональная структура снѣжинки, ея удѣльный вѣсъ, меньшій, чѣмъ у химически тождественной съ нею воды и ея составъ (H^2O) являются какъ бы элементами обсуждаемы-

ми совершенно обособленно и потому приурочиваемыми къ чему то единому.

5) Мышленіе систематизируетъ и классифицируетъ явленія. Оно подводитъ подъ одинъ родъ существа, о которыхъ предполагаетъ, что они имѣютъ тождественные существенные признаки и у которыхъ оказывается различіе въ признакахъ несущественныхъ. Но развѣ на самомъ дѣлѣ возможно различіе въ несущественныхъ признакахъ при тождествѣ въ существенныхъ? Различіе въ цвѣтѣ волосъ при тождествѣ организациі? Конечно, невозможно. Различіе въ самомалѣйшей детали организма предполагаетъ собою различіе во всѣхъ частяхъ организма, но различіе это оказывается слишкомъ малымъ и неуловимымъ. Наблюденіе и мышленіе пренебрегаетъ имъ. Создаются видовыя понятія. Мы знаемъ зоологическое понятіе волка. Такого волка никогда не существовало и не будетъ существовать. Но мы подводимъ подъ это понятіе встрѣчающіяся намъ животныя особи. Мы создали понятіе двусѣмянодельнаго растенія. Но такового не существуетъ. Груша, которую я вижу передъ собою, двусѣмянодельна, то же я долженъ сказать о находящемся предъ моимъ взоромъ персиковомъ деревѣ, но и у того и у другого дерева сѣменные доли специфичны и для меня немислимо представить двусѣмянодельное растеніе вообще. Говорятъ о томъ, что въ зоологіи, ботаникѣ должна быть введена въ классификаціи естественная система, но на самомъ дѣлѣ понятіе „естественная система“ заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ибо въ природѣ нѣтъ системъ. Всякая система или недостаточно естественна или недостаточно систематична. Съ точки зрѣнія Дарвиновской теоріи каждый организмъ можно разсматривать какъ связующее или промежуточное звено между двумя какими-либо растеніями или животными. Ничего неизмѣннаго и безусловно устойчиваго въ организмѣ нѣтъ. Все имѣетъ тенденцію къ измѣнячивости. Организмъ есть процессъ, какъ и все въ природѣ и притомъ процессъ не повторяемый. Что-же въ такомъ случаѣ представляютъ собою наши зоологическія и ботаническія номенклатуры? *Условное отождествленіе сходнаго или, слѣдовательно, условное отождествленіе нетождественнаго.*

Точно также наша умственная ограниченность побуждаетъ

насъ мыслить о мірѣ въ системѣ. Мы вносимъ въ явленія идею порядка и только благодаря привнесенію этой идеи мы познаемъ явленія. Эта идея часто вносится искусственно. Астрономія знаетъ законъ Титія-Боде, согласно которому планеты расположены отъ солнца въ разстояніяхъ опредѣляемыхъ нѣкоторою ариметическою прогрессіею. На самомъ дѣлѣ такого закона нѣтъ. Въ физической географіи подобнымъ образомъ пытаются устанавливать законы. На сѣверѣ матеріки расширяются, къ югу суживаются. Для этого факта подыскиваютъ принципъ. Но прежде всего самое это обобщеніе цѣнно-ли? Сѣверъ Америки вполне ли подходитъ подъ него, а югъ Австраліи? На самомъ дѣлѣ, онъ не подходитъ совсѣмъ. Но мышленіе обобщаетъ, нивеллируетъ различія, создаетъ искусственный порядокъ. Мышленіе создаетъ группы, устанавливаетъ подобіе и аналогіи группъ. Но міръ есть нѣчто единое, въ которомъ процессы не повторяются. Но развѣ можно единое назвать системою? Каждый элементъ одинаго въ сущности единъ. Двухъ тождественныхъ клѣтокъ въ организмѣ нѣтъ и никакой признакъ не принадлежитъ двумъ клѣткамъ тождественныхъ образомъ. Но если такъ, то какими же сказуемыми можно опредѣлять элементы организма? Всякимъ сказуемымъ подлежащее подводится подъ родъ. Но роды и виды—фиктивные понятія, каждая особь, каждый элементъ особи не повторяемы ни въ какомъ изъ признаковъ.

6) Мышленіе познаетъ вещи черезъ сравненіе. Лучше, хуже, больше, меньше, это слова, постоянно пускающіяся въ ходъ при опредѣленіи различныхъ предметовъ. Идеаломъ познанія является возможно большая точность сравненій. Самыя точныя сравненія выражаются математическимъ языкомъ посредствомъ чиселъ. Познать; говорить, значить, измѣрять; измѣрять значить опредѣлить отношеніе предмета и его свойствъ къ нѣкоторымъ единицамъ объема, вѣса, твердости. Этотъ способъ познанія утверждается на трехъ ложныхъ предположеніяхъ. Прежде всего на идеѣ тождества. Числа 2, 3 обозначаютъ, что въ томъ отношеніи, въ какомъ совершается разсмотрѣніе, предполагается существованіе тождественныхъ объектовъ: 2 аршина, 3 фунта. Но на самомъ дѣлѣ этому предположенію не отвѣчаетъ дѣйствительность. Мы уже говорили о несуществованіи тождественнаго. Съ

точки зрѣнія чиселъ выяснитъ эту истину легче всего. Мы имѣемъ передъ собою два желѣзныхъ прута, въ каждомъ изъ нихъ по измѣренію 3 аршина, значить ли это, что длины ихъ тождественны? Думается, нужно утверждать обратное. Эти пруты находятся не въ тождественныхъ условіяхъ. Какъ ни какъ, хотя на одну тысячную градуса, но непременно температура одного выше температуры другого. Если два прута при тождественныхъ условіяхъ тождественны по длинѣ, то при различіи условій—температуры, давленія—они должны оказаться имѣющими различную длину. Наоборотъ, тождество длины при различіи условій положенія—какъ бы ни было ничтожно это различіе—указываетъ на то, что сами по себѣ длины данныхъ прутьевъ различны. Точно такъ же странно говорить о тождествѣ вѣса, такъ какъ каждый пунктъ вселенной имѣетъ свое специфическое напряженіе тяжести, вдобавокъ постоянно мѣняющееся. Въ естествознаніи пониманіе того, что тождественное на самомъ дѣлѣ, не тождественно, явилось уже давно. Барометръ приводятъ къ уровню моря, но то же естествознаніе выяснило, что уровни моря на самомъ дѣлѣ не тождественны. Представьте себѣ сообщающіеся сосуды съ водою различной температуры. Уровни ихъ будутъ различны. Но сообщающіяся моря имѣютъ различную температуру. Кромѣ того нужно принять въ расчетъ притяженіе береговъ—различное въ различныхъ мѣстахъ, вліяніе луны и солнца. Второе ошибочное предположеніе всѣхъ измѣреній состоитъ въ томъ, что всякая величина можетъ быть выражена числомъ. Первые шаги въ изученіи алгебры и геометріи выясняютъ учащемуся истину, что для большинства случаевъ даже теоретически нельзя найти общей мѣры. Выдвигается принципъ приближенныхъ вычисленій. Правда, алгебра показываетъ намъ, что всякую величину—раціональную, ирраціональную, трансцендентную можно выразить безконечнымъ рядомъ раціональныхъ чиселъ (дробей), но точное суммированіе такого рода возможно только для раціональныхъ величинъ, т. е. для весьма незначительнаго количества предметовъ и явленій. По отношенію же къ большинству существующаго и совершающагося приходится довольствоваться лишь приближенными величинами. Самый принципъ вычисленій часто страненъ. Опредѣляютъ длину кривой. Выходятъ изъ предположенія,

что кривую можно разсматривать, какъ сумму прямыхъ. Но какъ же можно разсматривать такъ кривую, когда по своей природѣ она такова, что ни въ какой самонаимѣншей части не можетъ совпадать съ прямой? Прямая можетъ пересѣкаться съ кривою въ какомъ угодно количествѣ точекъ, смотря по роду кривой, но никакая кривая не можетъ имѣть съ прямою общими двѣ смежныя точки. Какой смыслъ выраженія, что такая-то дуга такой-то окружности имѣетъ 2 аршины длины? Въ самомъ лучшемъ случаѣ тотъ, что если раздѣлить эту дугу на великое множество дугъ, то сумма хордъ ихъ будетъ равна двумъ аршинамъ. Познать значитъ измѣрить, но анализъ и изслѣдованіе наталкиваютъ насъ на фактъ несоизмѣримости и подсказываютъ мысль, что при такихъ измѣреніяхъ, можетъ быть, мы не найдемъ во всей вселенной двухъ соизмѣримыхъ вещей. Третье ложное предположеніе, лежащее въ основѣ измѣреній всякаго рода, есть предположеніе какихъ то абсолютныхъ единицъ, съ которыми можно все сравнивать. Устанавливаютъ единицы длины, времени, вѣса и т. п. Познаніе состоитъ въ томъ, что познаваемый предметъ выражается въ единицахъ длины, вѣса и т. п. Но сами въ себѣ эти единицы? Онѣ не познаны нами, онѣ въ сущности X. Можно сказать, что познаніе состоитъ въ опредѣленіи отношеній познаваемого предмета X къ У. Объемъ даннаго предмета равенъ 8 X, вѣсъ 5 У. Изслѣдованіе показываетъ, что неизмѣнныхъ единицъ не существуетъ. Измѣняется величина метра и литра, измѣняется продолжительность секунды, напряженность вѣса. А теоретическое изслѣдованіе показываетъ, что наше познаніе, являющееся въ сущности познаніемъ отношеній, можетъ улавливать только переменныя отношенія, но не можетъ замѣтить самыхъ страшныхъ переворотовъ, разъ отношенія между вещами и явленіями сохраняются тѣ же. Мы теперь говоримъ о неизмѣримыхъ пространствахъ, о громадныхъ разстояніяхъ между звѣздами, но представимъ себѣ, что протяженіе, которое солнечный лучъ проходитъ въ 100 лѣтъ при 300 тысячахъ километровъ въ секунду, сведется къ размѣрамъ одного миллиметра. Представимъ, что длины, поверхности и объемы всѣхъ вещей вселенной уменьшаются пропорціонально. Разстояніе между солнцемъ и землею тоже съ точки зрѣнія теперешнихъ измѣреній должно быть вы-

ражено чрезвычайно малою дробью. Представимъ себѣ, что процессы будутъ совершаться соотвѣтственно медленнѣе. Лучъ свѣта въ 100 лѣтъ будетъ проходить 1 миллиметръ. Такова же тогда будетъ скорость движенія земли по орбитѣ. И однако и тогда мы бы удивлялись грандіознымъ разстояніямъ между свѣтилми и скорости движенія свѣтилъ. Мы не замѣтили бы никакихъ перемѣнъ во вселенной. Да мы и не знаемъ дѣйствительныхъ размѣровъ вселенной. Мы знаемъ отношеніе разстоянія земли отъ солнца къ нашему росту, но это отношеніе будетъ оставаться неизмѣннымъ при всякихъ увеличеніяхъ и уменьшеніяхъ нашего роста и разстоянія между землею и солнцемъ, лишь бы эти увеличенія и уменьшенія были соотвѣтственными. Мы можемъ представить себѣ, что вся исторія вселенной проходила въ одной точкѣ. Дѣло лишь въ отношеніяхъ между предметами и явленіями, а не въ ихъ абсолютной величинѣ и ихъ дѣйствительныхъ свойствахъ. Мы говоримъ о силахъ паровыхъ и электрическихъ машинъ, но опять таки, чему равна сама въ себѣ эта сила? Она измѣряется по тому, какое дѣйствіе производитъ на предметы, но предметы не подлежатъ абсолютному измѣренію. И вотъ, мы приходимъ къ странному выводу, что на безконечно маломъ пространствѣ при безконечно малой силѣ можно устроить вселенную совершенно тождественную съ нашей, и у насъ возникаетъ вопросъ: безконечное и неизмѣримое пространство, о которомъ мы трактуемъ, и безконечное время не суть ли въ сущности нѣчто безконечно мало отличающееся отъ нуля. То обстоятельство, что мы не знаемъ предметовъ самихъ въ себѣ, раскрываетъ намъ, что мы ничего не знаемъ. Да не поймутъ это выраженіе о познаніи предмета самого въ себѣ въ какомъ либо мистическомъ смыслѣ. Рѣчь у насъ идетъ не о познаніи сущностей, но о познаніи свойствъ предмета и о познаніи явленій. Мы въ дѣйствительности не познаемъ ни свойствъ, ни явленій. Мы избрали такія-то произвольныя единицы всякаго рода измѣреній и относительно этихъ единицъ мы знаемъ только одну неутѣшительную для насъ истину, что онѣ измѣняемы, и совершенно не знаемъ, что онѣ такое сами по себѣ, и въ нихъ мы опредѣляемъ все существующее. Разстояніе между Москвою и Петербургомъ равно 604 X. Скажутъ, что этотъ X есть верста и подлежить

опредѣленію. Все равно этотъ X въ концѣ концовъ придется опредѣлить черезъ Y . Отсюда въ наиболѣе выгодныхъ для насъ случаяхъ наше познаніе о предметѣ алгебраически можно выразить такъ: $Y = f(x, y, z, \dots)$. Y есть функція отъ x, y, z , образуемая изъ нихъ по такимъ то и такимъ то законамъ. Но если мы примемъ во вниманіе, что въ природѣ всѣ величины переменны: измѣняется длина меридіана и скорость вращенія земли, то мы въ формулу нашей функціи должны внести еще понятіе о возможныхъ приращеніяхъ и уменьшеніяхъ основныхъ неизвѣстныхъ. Такъ наше мышленіе открываетъ намъ, что наше познаніе міра есть мышленіе о элементахъ міра, какъ о различныхъ функціяхъ неустойчивыхъ неизвѣстныхъ.

7) Мышленіе дѣлаетъ выводы, исходя изъ сомнительныхъ принциповъ и опираясь на недостаточныя данныя. Анализъ многихъ нашихъ принциповъ вскрываетъ, что они даже лишены признаковъ самоочевидности и принудительности. Курсы геометріи обычно начинаются съ разсужденія, что прямая линія есть кратчайшая. Но что такое прямая линія! Въ ряду различныхъ опредѣленій выдѣляется одно, согласно которому прямая есть такая линія, которая остается неподвижной, разъ у нея неподвижны двѣ точки. Но такъ ли это? Римахъ построилъ геометрію, согласно которой двѣ прямыя могутъ имѣть двѣ общія точки и не совпадать одна съ другою, слѣдовательно, каждая можетъ вращаться около другой. Затѣмъ, дѣйствительно ли линія, неподвижность которой обуславливается неподвижностью двухъ точекъ, есть кратчайшая? Это не очевидно и непринудительно для мышленія. Наконецъ, какой смыслъ нужно соединять съ словами „кратчайшее разстояніе“? Разстояніе есть то, что пужно преодолѣть. При передвиженіяхъ преодолѣваютъ треніе и силу тяжести. Всякое движеніе есть нарушеніе равновѣсія въ системѣ, и для такого нарушенія всегда требуется сила. Но если представить себѣ двѣ точки, между которыми находится абсолютная пустота, т. е. въ пространствѣ между которыми нѣтъ матеріи и не дѣйствуютъ никакія силы, то можно ли говорить о разстояніи между этими точками? Здѣсь нечего преодолѣвать. Если мы представимъ себѣ существо, эмансипированное отъ дѣйствія тяжести и сопротивленія среды, мы можемъ предположить, что оно можетъ

при затратѣ безконечно малой силы перемѣщаться съ безконечною скоростью, слѣдовательно, разстояній для него не существуетъ. Изъ нашего разсужденія слѣдуетъ тотъ выводъ, что приведенная нами геометрическая аксіома на самомъ дѣлѣ не только не аксіома, т. е. не только не самоочевидное положеніе, но оказывается и положеніе очень неясное. Это положеніе выработано ограниченнымъ опытомъ изъ скуднаго и недостаточнаго матеріала. Принципы какъ геометрическіе, такъ и всякіе иные, передаются намъ по традиціи наслѣдственно, они усваются нами въ первые годы и мы руководимся ими всю жизнь, считая ихъ безспорными истинами и не догадываясь, что они спорны. Когда возникаетъ догадка, что тотъ или другой принципъ не безспоренъ, образуется два теченія: одни стараются обосновать пошатнувшійся принципъ, другіе—отвергнуть его совсѣмъ. Возникаютъ споры. Такіе споры можно вести о многихъ принципахъ, но нельзя вести о всѣхъ принципахъ сразу, ибо декартовское *de omnibus dubitandum* невозможно. Разъ мы усумнимся во всемъ, слѣдовательно, и въ принципахъ нашего мышленія, то у насъ уничтожится возможность мыслить и разсуждать. Измѣрять разстоянія можно только отъ точки, считающейся неподвижною, и обсуждать всякое положеніе можно, лишь исходя изъ нѣкоторыхъ неподвижныхъ и безспорныхъ началъ. Но разъ существованіе такихъ началъ отвергнуто, то какъ же можетъ двигаться мысль? Признавши одни принципы, можно подвергать сомнѣнію другіе и вотъ, исторія философіи и науки показываютъ намъ, что тысячелѣтія велись споры о принципахъ и ни къ чему не привели. Мы живемъ и дѣйствуемъ по принципамъ людей ледниковой эпохи, но такъ же какъ и тѣ люди не можемъ защитить наши принципы. Кантъ отвергъ реальность пространства и времени, но уже Спенсеръ замѣтилъ, что изъ своей теоріи апіорности формъ чувственности Кантъ не сумѣлъ сдѣлать никакого употребленія. Въ своихъ лекціяхъ по физической географіи Кантъ представлялъ міръ такимъ же, какимъ и теперь заставляють представлять его маленькихъ школьниковъ. Мышленіе развиваетъ и дополняетъ принципы путемъ индукціи и дедукціи. Исторія индуктивныхъ наукъ показываетъ, что индуктивныя обобщенія обычно дѣлались приблизительно, и непрерывно возрастающее наблюденіе и опытъ

постоянно заставляли вносить въ нихъ поправки или даже совсѣмъ измѣнять ихъ. Даже такое положеніе, которое установилъ еще Архимедъ, и которое въ рѣзкой формѣ защищалъ Галилей противъ доминиканцевъ, что степень погруженія тѣла въ водѣ зависитъ исключительно отъ его вѣса, оказалось невѣрнымъ. Доминиканцы утверждали, что степень погруженія кромѣ вѣса зависитъ еще и отъ формы тѣла. Они оказались правыми. Иголка при извѣстныхъ условіяхъ можетъ не потонуть въ водѣ, а желѣзный шаръ, равный по вѣсу иголкѣ, непременно потонетъ. Но это еще незначительная поправка къ прежнимъ гидростатическимъ представленіямъ. Во многихъ областяхъ мы видимъ радикальныя перемѣны взглядовъ. Назадъ тому немного лѣтъ гранитъ разсматривался въ геологіи, какъ древнѣйшая, чисто плутоническая основа земной коры. Теперь раскрыто, что часто онъ имѣлъ не чисто плутоническое происхожденіе, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на примѣръ, въ центральной Франціи онъ находится въ этажахъ девонской и каменноугольныхъ эпохъ (*Rev. scientifique*, № 9, 1 sem. 1900, происхожденіе гранита), т. е. является болѣе юнымъ, чѣмъ нѣкоторыя осадочныя образованія.

Что касается до дедуктивныхъ построеній, то опытъ исторіи давно научилъ относиться къ нимъ подозрительно. Вѣдь, и въ математикѣ, играя понятіями нуль и безконечность, можно получать какія угодно фантастическіе выводы. Но въ математикѣ, если и трудно дѣлать открытія, то сравнительно легко провѣрять ихъ. Сравнительно легко разоблачать и ложныя построенія. Но въ гипотезахъ историческихъ и философскихъ разоблаченіе является дѣломъ почти столь же труднымъ, какъ и построеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ назадъ тому 2300 лѣтъ Сократъ поставилъ себѣ въ заслугу то, что онъ выяснилъ себѣ, что онъ знаетъ лишь то, что ничего не знаетъ, геніальные ученые всегда повторяли исповѣданіе Сократа, но геніальныхъ ученыхъ было немного, а ученые недоросли всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ всегда были убѣждены, что истина открыта и что она открыта не далѣе, какъ вчера, отцы ихъ не знали ее. Такъ, покойный Писаревъ, указывая на Конта, восклицалъ: „вотъ—истина“; такъ многіе, указывая на Дарвина, говорятъ: „вотъ—вѣчная истина“. Но когда лучшіе мыслители будущаго извлекутъ изъ

Конта и Дарвина то, что у них дѣйствительно есть вѣчнаго, современные имъ ученые недоросли найдутъ новыхъ боговъ, которыхъ не знали почитатели Конта и Дарвина, и будутъ говорить; вотъ—истина или вотъ истинные боги, которыхъ не знали отцы наши. Люди въ своемъ познаніи, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ, исходятъ изъ началъ, достовѣрность которыхъ они себѣ не выяснили, въ развитіи этихъ началъ они опираются на логическія построения, не отличающіяся строгостью, и на наблюденія, неотличающіяся точностью. Такъ, матеріаль, изъ котораго дѣлаются выводы, гораздо уже, чѣмъ выводы, способы, которыми дѣлаются выводы, даже при самомъ элементарномъ разсмотрѣніи оказываются довольно фантастичными, способы опредѣленій и рѣшеній въ концѣ концовъ оказываются утверждающимися всецѣло на фикціяхъ, и наконецъ, само мышленіе съ ужасомъ выясняетъ себѣ истину, что его мысль о мірѣ не можетъ соотвѣтствовать міру.

Человѣческая логика есть логика относительнаго познанія. Одинъ предметъ опредѣляется посредствомъ другого, другой—посредствомъ третьяго и т. д., пока наконецъ въ потокѣ явленій мысль не остановится на чемъ либо, какъ само собою понятномъ (наприм., сравненіи всѣхъ кривыхъ линій съ прямою), но на самомъ дѣлѣ это что-либо столь же нуждается въ опредѣленіи, какъ и все другое. Человѣческое мышленіе пользуется словами, но каждое слово обозначаетъ собою признакъ или совокупность признаковъ, а не предметъ дѣйствительно существующій — единичный. Каждое слово есть понятіе общее, а не единичное. Но общимъ понятіямъ не соотвѣтствуютъ реальности, такимъ образомъ мы получаемъ, что все существующее опредѣляется посредствомъ несуществующаго.

Но имѣется много людей, которые не смущаются этимъ. Ищущему истины Фаусту человѣчество противопоставило Фауста на изнанку самодовольно думающаго, что онъ пребываетъ въ истинѣ. На вопросъ Валентина: „знаешь ли ты, старикъ, что такое любовь?“ этотъ Фаустъ, совмѣщающій въ своемъ лицѣ идіота и педанта, отвѣчаетъ: „развѣ есть что-нибудь, чего я не знаю? любовь—имя существительное, нарицательное, женскаго рода“. Публика хохочетъ въ театрѣ надъ этимъ злополучнымъ Фаустомъ, но вѣдь, именно этотъ

Фаустъ, а не Фаустъ Гете олицетворяетъ въ себѣ кумировъ культурнаго человѣчества. Представители научнаго міровозрѣнія, это — Фаусты на изнанку. Они все знаютъ, знаютъ прошлое и будущее земли, знаютъ, какъ произошелъ человѣкъ, и знаютъ, какъ онъ погибнетъ, они знаютъ факторы міровой исторіи, они знаютъ, что нѣтъ провидѣнія, нѣтъ откровенія, нѣтъ безсмертія. Не знаютъ они пока какихъ-нибудь пустяковъ, что будетъ завтра съ каждымъ изъ нихъ, какова будетъ зима, каковъ будетъ ближайшій урожай?

Эти самодовольные педанты на мѣсто дѣйствительнаго міра поставили фивтивное понятіе о мірѣ. Они создали ложный гносисъ, и милліоны людей усвояютъ этотъ гносисъ и восхищаются имъ. Этотъ гносисъ или это ложное знаніе играетъ у людей роль того покрывала, которое по апостолу Павлу скрываетъ отъ евреевъ разумѣніе писаній (2 Коринѣ. 3, 14—15). На мѣсто міра поставили космографію и географію. Что вы знаете о Казбекѣ или Монбланѣ? спросите вы маленькаго школьника и онъ сообщитъ вамъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о высотѣ этихъ горъ, о линіи вѣчныхъ снѣговъ, о ледникахъ, о геологическомъ происхожденіи Альпъ и Кавказскаго хребта, онъ сообщитъ такія свѣдѣнія, которыхъ не имѣютъ люди, всю жизнь прожившіе у подножія Казбека или Монблана. Онъ владеетъ знаніемъ. Какая на самомъ дѣлѣ цѣна этому знанію? Я думаю, что не этого знанія ищетъ человѣкъ и не это знаніе нужно человѣку. Апостолъ говоритъ: „знаніе упразднится“ (1 Коринѣ. 13, 8). По мысли апостола знаніе въ жизни человѣчества есть низшая ступень, которая должна замѣниться высшею. Какою же? На это отвѣчаетъ самъ апостолъ говоря, что мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ (2 Кор. 5, 7) и тѣмъ утверждая, что вѣра и знаніе смѣняются видѣніемъ. На это отвѣчали на пространствѣ вѣковъ многіе мыслители различныхъ вѣръ и убѣжденій. Въ исламѣ имѣется мистическое направленіе называемое суфизмомъ. Одинъ изъ такихъ суфитовъ Ибн-Сина отозвался о другомъ суфитѣ Абу-Сайдѣ такъ: „то, что я знаю, онъ видитъ“. Я думаю, что въ этихъ словахъ Ибн-Сина превосходно опредѣлилъ безконечное преимущество видѣнія предъ знаніемъ. Школьникъ имѣетъ понятіе о Казбекѣ, какъ и всякое понятіе, оно непременно сравниваетъ съ чѣмъ-нибудь Казбекъ и опредѣляетъ его лишь въ отно-

шені къ чему-либо. Горець видитъ Каабекъ, даже закрывши глаза. Въ его созерцаніи нѣтъ мѣста сравненіямъ и подобіямъ, онъ видитъ Каабекъ, какъ тотъ есть, независимо отъ всякихъ мѣръ высоты и вѣса, теорій горныхъ породъ. Я говорилъ, что всякое понятіе есть координированная сумма фикцій, но въ видѣніи нѣтъ фикцій. Не нужно здѣсь ни словъ, ни понятій, никакихъ школьныхъ схемъ. Здѣсь объектъ непосредственно воспринимается субъектомъ. Если Ибн-Сина говорилъ о превосходствѣ видѣнія передъ знаніемъ послѣ ап. Павла, то югины въ Индіи говорили раньше его. Какъ высшую ступень духовнаго усовершенія челоуѣка они поставляли уничтоженіе различія между субъектомъ и объектомъ, между мыслію, мыслящимъ и мыслимымъ. Но въ видѣніи или созерцаніи мы имѣемъ это. Здѣсь въ сущности нѣтъ мѣста мысли. Мысль, поскольку она вторгается въ созерцаніе, парализуетъ его. Поскольку мы мыслимъ о созерцаемомъ нами предметѣ, постольку мы его уже не видимъ. Каабекъ начинаетъ заслоняться отъ насъ не атмосферой и облаками, а понятіями горы, снѣга, льда и камня.

Школьнымъ образомъ созерцаніе опредѣляютъ такъ. „Если матеріальный или нематеріальный объектъ возбудилъ въ насъ живое чувство удивленія или любви, мы радостно останавливаемъ на немъ нашъ взглядъ и нашу мысль не для того, чтобы лучше его узнать, но для того, чтобы возможно дольше наслаждаться его присутствіемъ и впечатлѣніями, которыя онъ въ насъ производитъ. Такое состояніе духа—болѣе или менѣе пріятное, болѣе или менѣе глубокое, смотря по природѣ производящаго его объекта, называется созерцаніемъ. Созерцаніе должно быть отличаемо отъ рефлексіи. Въ состояніи рефлексіи мы еще ищемъ или истины, или блага, или красоты, и нашъ разумъ еще является дѣятельнымъ. Въ состояніи созерцанія мы считаемъ себя нашедшими то, что рефлексія еще только ищетъ, мы представляемъ себѣ это находящимся предъ нашими глазами и въ нашей власти и намъ остается только наслаждаться разсматриваніемъ, видѣніемъ почти пассивнымъ. Нельзя оспаривать, что созерцаніе—такое, какимъ оно описано—есть фактъ реальный и довольно свойственный душѣ челоуѣческой. Но мистики, которые описывали и анализировали его съ удивительною остротою, значительно расширивъ его пониманіе, отнесли

его исключительно къ Богу. По ихъ мнѣнію созерцаніе есть высшая степень разумѣнія, которой достигаетъ душа, когда, совершенно освободившись отъ вліянія чувствъ, уже освоившаяся долгими размышленіями съ міромъ духовнымъ, видитъ этотъ міръ безъ усилія и безъ труда и получаетъ свѣтъ, который идетъ отъ самаго источника всякой истины, какъ нашъ глазъ получаетъ лучи отъ солнца. Созерцаніе есть простой и исполненный любви взглядъ обращенный на Бога, какъ бы предстоящаго предъ душою. Созерцаніе есть конецъ всякаго волненія, всякаго безпокойства и слѣдовательно всякой дѣятельности. Поэтому нѣкоторые опредѣляютъ созерцаніе, какъ „молитву безмолвія и покоя“. Но созерцаніе стоитъ ниже восхищенія или экстаза. Последнее состояніе охватываетъ всѣ способности души; созерцаніе только ставитъ душу въ наиболѣе благопріятное положеніе для воспріятія дѣйствія благодати и вообще для слѣдованія всякому Божественному воздѣйствію“¹⁾.

Представленное опредѣленіе созерцанія, данное въ философскомъ словарѣ, есть однако опредѣленіе богословское, религіозное. Оно представляетъ собою выводъ изъ ученія аскетовъ о созерцаніи. „Созерцаніе, говорилъ Исаакъ Сиріянинъ²⁾, есть ощущеніе Божественныхъ тайнъ, сокровенныхъ въ вещахъ и въ ихъ причинахъ“. Для вѣрующаго человѣка это—несомнѣнная и глубокая истина. Но если мы будемъ стоять исключительно на религіозномъ пониманіи созерцанія, то для невѣрующихъ наша рѣчь будетъ мѣдью звенящею и кимваломъ бряцающимъ и они сами не станутъ насъ и слушать. Однако созерцаніе есть состояніе, свойственное душѣ и вѣрующаго и невѣрующаго человѣка. Представьте атеиста плѣнннаго какою-либо картиною природы. Онъ не размышляетъ, а созерцаетъ и его созерцаніе можетъ подняться до восхищенія. Я думаю, что созерцаніе можно опредѣлить такъ: *созерцаніе есть непосредственное воспріятіе бытія*. Слово „созерцаніе“ взято отъ зрѣнія, но даже въ отношеніи къ міру вещественному филологическое значеніе слова не исчерпываетъ факта. Созерцаніе есть ощущеніе, сказалъ намъ вели-

1) M. Ad. Franck, Dictionnaire des sciences philosophiques. 1885. Contemplation

2) Творенія Исаака Сиріяннина. Изданіе 3-е. Сергіевъ посадъ. Стр. 15.

кій подвижникъ, созерцать можно каждымъ изъ органовъ чувствъ. Когда послѣдователь юги сосредоточиваетъ все вниманіе своего духа на кончикъ своего носа, которымъ воспринимаетъ благовоіе божества, онъ созерцаетъ обоняніемъ. Когда пиеагорейцу слышится божественная музыка, производимая гармоничнымъ движеніемъ небесныхъ сферъ, онъ созерцаетъ ушами. И нужно признать, что для того, кто владѣеть музыкальнымъ слухомъ и любитъ музыку, созерцаніе наиболѣе понятно. Музыка настраииваетъ душу безъ словъ, безъ логическихъ формулъ, безъ категорій Канта. Созерцаніе есть именно воспріятіе дѣйствительности безъ пользованія этими категоріями. Созерцая темно-голубое звѣздное небо, мы не имѣемъ нужды прилагать къ нему категорію количества. Я беру этотъ примѣръ, имѣя въ виду самого нѣмецкаго творца категорій. Заканчивая свою „критику практическаго разума“, Кантъ написалъ: „есть двѣ вещи, которыя наполняютъ душу все новымъ, возрастающимъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ чаще и долѣше занимается ими умъ: звѣздное небо надъ нами и нравственный законъ въ насъ“. Но удивленію и благоговѣнію нѣтъ мѣста въ категоріяхъ разсудка. Если разсудокъ установитъ, что хорошій ходокъ можетъ обойти землю по экватору (имѣя въ виду лишь его длину и не считаясь съ препятствіями) въ три года и что тотъ же ходокъ только въ 24 слишкомъ года можетъ пройти разстояніе, которое свѣтъ проходитъ въ секунду, то установивъ это разсудокъ не имѣетъ побужденій ни удивляться, ни благоговѣть. Для мышленія одинаково легко допустить, какъ разстояніе и скорость въ два раза болѣе данныхъ, такъ разстояніе и скорость въ билліонъ или въ квадриллионъ, вообще во сколько угодно разъ большихъ, чѣмъ данныя. Удивленіе и благоговѣніе есть уже отреченіе отъ категорій разсудка. они вызываются созерцаніемъ объекта, а не его познаніемъ. Если созерцаніе и есть познаніе, то это познаніе безъ помощи логическихъ подпорокъ — классификацій, введеній, умозаключеній.

С. Глаголевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
